

Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса

И.А. Свистунова

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Турция и Иран – ближневосточные соседи, чьи отношения строятся на основе конкуренции и сотрудничества. Обе страны стремятся взять на себя роль регионального лидера и готовы предложить странам Ближнего Востока собственную модель развития. Соседство исторически наделило Турцию и Иран не только опытом борьбы за зоны влияния, но также способностью к взаимодействию в сферах совпадающих интересов. Нестабильность на Ближнем Востоке привлекает внимание исследователей из разных стран к проблематике турецко-иранского взаимодействия. В статье рассмотрены ключевые направления региональных отношений между двумя странами, отражающие стремление к поддержанию баланса сил при наличии противоречивых интересов. Исламская революция в Иране (1979 г.) сделала турецкую и иранскую модели антагонистичными с акцентом на религиозности или светскости. После прихода к власти в Анкаре исламской Партии справедливости и развития арсенал инструментов турецкой стороны расширился, хотя целью по-прежнему остаётся продвижение на Ближнем Востоке западных концепций. Иракское и сирийское направление представляют собой площадки конкурентной борьбы между Ираном и Турцией, и одновременно возможности тактического сближения на основе совпадающих интересов. События последних лет продемонстрировали, что в моменты возникновения общих угроз стороны сознательно отодвигают свои противоречия на задний план. Прагматизм и соперничество в турецко-иранских отношениях не являются альтернативами, но существуют параллельно как способ поддержания двумя странами регионального баланса сил. Этим объясняется способность Анкары и Тегерана к поиску компромиссов. Вместе с тем различные подходы сторон к будущему устройству Ближнего Востока будут и в дальнейшем препятствовать созданию устойчивого альянса между ними. Эти реалии необходимо учитывать при оценке перспектив развития региональной ситуации и потенциала турецко-иранских отношений, изучение которых особенно важно для России с учётом трёхстороннего взаимодействия по урегулированию кризиса в Сирии.

Ключевые слова: Турция, Иран, Ближний Восток, турецко-иранские отношения, внешняя политика Турции, международные отношения, сирийский кризис

УДК 327

Поступила в редакцию: 04.07.2019 г.

Принята к публикации: 15.08.2019 г.

Турция и Иран соседствуют и взаимодействуют на Ближнем Востоке на протяжении нескольких столетий, определяя расстановку сил в регионе. Турецко-иранские отношения представляют собой комплекс элементов соперничества за региональное доминирование и совпадающих интересов в области экономики и безопасности. В связи с этим Анкара и Тегеран вынуждены постоянно стремиться к поиску компромиссов и выстраиванию системы взаимных сдержек и противовесов. Динамично меняющийся региональный ландшафт порождает новые вызовы и угрозы, для преодоления которых двум бывшим империям требуется поддержание диалога с историческим противником и гибкость внешнеполитического мышления.

В последние годы проблематика турецко-иранских отношений привлекает внимание исследователей в различных странах, что объясняется ростом нестабильности на Ближнем Востоке, а также внешнеполитической активностью Анкары в период правления Партии справедливости и развития (с 2002 г. по настоящее время). Среди работ отечественных специалистов выделяется монография И.И. Ивановой (Иванова 2017), посвящённая комплексному анализу турецкой политики в регионе в республиканский период. Автор рассматривает основные вехи развития современных турецко-иранских отношений и отмечает их балансирование между союзничеством и соперничеством. Подробное исследование этапов развития турецко-иранских отношений содержит фундаментальный труд коллектива турецких авторов «Внешняя политика Турции» (Türk Dış Politikası 2012; 2013). Проблему конкуренции двух претендентов на региональное лидерство изучают в своих статьях многие зарубежные авторы (Akbarzadeh, Barry 2016; Baş 2013; Ozcan, Ozdamar 2010; Sinkaya 2012; Tahiroğlu, Ben Taleblu 2015). Особое внимание исследователей привлекает тема турецко-иранского соперничества в контексте «арабской весны» и войны в Сирии (Aktaş 2018; Barkey 2012; MacGillivray 2019; Sari 2018; Unver 2012). Некоторые авторы исследуют роль ядерного фактора в отношениях Анкары и Тегерана (MacGillivray 2019; Sinkaya 2016). Новые форматы сотрудничества (Россия – Турция – Иран) и сферы взаимодействия (энергетика) также служат предметом тщательного анализа политологов (Joobani, Mousavipour 2015; Unver 2016).

В статье будут рассмотрены значимые для обеих стран направления их ближневосточной политики, наиболее ярко отражающие сложный спектр отношений между Турцией и Ираном. Региональное взаимодействие соседних государств осмысливается в рамках парадигмы политического реализма, который рассматривает поддержание равновесия в качестве способа сохранения мира при максимально возможном удовлетворении интересов каждой из сторон. Метод кейс-стади позволяет проанализировать с этих позиций различные сферы внешнеполитической активности Анкары и Тегерана. Новизна исследования заключается в попытке применить указанный подход к ключевым сюжетам регионального взаимодействия двух стран, а также в выявлении закономерностей выстраивания турецко-иранских отношений на Ближнем Востоке. Автор исхо-

дит из того, что прагматизм и соперничество в отношениях между Турцией и Ираном не являются противоположными или сменяющимися тенденциями, но существуют параллельно, определяя стремление сторон к поиску баланса сил при продвижении собственных региональных интересов.

«Модель» для исламского мира?

Региональное соперничество, которое является историческим фактором отношений между двумя странами, приобрело новое измерение в XX в., когда Турция взяла на вооружение секулярную модель развития и сблизилась с Западным миром. Это позволило Анкаре попытаться предложить странам региона свой опыт «мусульманской демократии» и сотрудничества с Западом. Тегеран также видел себя в качестве потенциального лидера исламского мира, особенно усилив религиозные акценты после революции 1979 г., которую иранские власти стремились экспортировать. Идеологические противоречия двух стран обострились, превратив в антагонистов исламский Иран и светскую Турцию. Анкара воспринимала иранскую поддержку исламских организаций Турции как попытку экспорта революции. В свою очередь Тегеран был недоволен тем, что в соседней стране нашла приют иранская оппозиция, и критиковал введённые в Турции секулярные ограничения на использование ислама в политике как не соответствующие духу исламского общества (Baş 2013: 114-115).

Идеологический антагонизм проявлялся в форме взаимной критики в средствах массовой информации двух стран, в том числе в адрес харизматических фигур – М.К. Ататюрка и аятоллы Р. Хомейни. Приезжавшие в Анкару иранские политики отказывались посещать мавзолей Ататюрка (обязательный пункт официальной программы зарубежных делегаций) и открыто выражали негативное отношение к принятому в Турции запрету на ношение женских платков. В турецкой прессе было принято называть иранский режим «рассадником реакции», в иранской прессе Турцию называли «приспешником шейтана», под которым иранцы подразумевали США (Türk Dış Politikası 2012: 153).

Заинтересованность Ирана и Турции в поддержании экономических связей в период ирано-иракской войны (1980-1988 гг.) ограничивала региональное соперничество между ними. Однако уже в 1990-е гг. развитие турецко-израильских отношений в сфере безопасности послужило для Турции своего рода противовесом укреплению связей между Ираном и Сирией. Анкара подозревала Тегеран в оказании поддержки оппозиционным турецкому правительству курдскому и исламскому движениям, что усиливало недоверие между двумя странами (Ozcan, Ozdamar 2010: 106). Апофеозом напряжённости стал 1997 г., когда стороны отзывали своих послов и не возвращали их обратно более года.

Внешним фактором, влиявшим на расстановку сил на Ближнем Востоке в постбиполярный период, стала политика Вашингтона, который вмешивался в региональные конфликты, поддерживал военное сотрудничество с Турцией и

стремился к продвижению прозападной «турецкой модели», находясь при этом в состоянии жёсткого противостояния с иранским режимом. Неудивительно, что Тегеран был озабочен военными связями Анкары с США, а также с Израилем, воспринимая их как «американскую стратегию сдерживания Ирана» (Baş 2013: 117).

Приход к власти в Турции исламской Партии справедливости и развития (ПСР) в конце 2002 г. внёс существенные коррективы во внешнюю политику Анкары, отразился на турецко-иранских отношениях в целом и региональном взаимодействии двух стран на Ближнем Востоке в частности. Турция активизировала развитие связей со странами исламского мира и значительно расширила экономическое сотрудничество с Ираном, особенно в сфере углеводородных ресурсов. Покупка иранского природного газа, начавшаяся в 2001 г., постепенно привела к многократному увеличению торгового оборота между двумя странами. В 2001 г. объём торговли составлял 1,2 млрд долл., а десятилетие спустя – в 2011 г. достиг 15 млрд долл. (Sinkaya 2012: 141). Это позволило сторонам провозгласить цель в 30 млрд долл. (Unver 2016: 135), которая до настоящего момента не была достигнута по причине мирового экономического кризиса и антииранских санкций США.

Турецкий исследователь Б. Синкайа полагает, что смена власти в обеих странах (в 2003 г. президентский пост в Иране занял М. Ахмадинежад) принесла с собой изменение внешнеполитического мышления сторон. Произошла «рационализация» турецко-иранских отношений: новое руководство прагматично поставило во главу угла взаимовыгодные экономические связи и совпадающие интересы на международной арене. Это привело к снижению накала идеологических противоречий и отказу от шагов, которые могли быть расценены как вмешательство во внутренние дела друг друга (Sinkaya 2012: 138). Другой эксперт Ш. Баш уверен в том, что способность Анкары и Тегерана к прагматизму ярко проявилась уже в годы ирано-иракской войны (Baş 2013: 115).

Как бы то ни было, но приход к власти в Турции происламской партии вызвал позитивную реакцию в Иране. Консерваторы перестали считать Анкару инструментом Запада, который служит изоляции Тегерана. Более того, это событие было воспринято как часть религиозного пробуждения мусульманского мира, вдохновленного Исламской революцией (Sinkaya 2012: 140). Символическим апофеозом турецко-иранского сближения стал визит в Турцию президента М. Ахмадинежада (2009 г.), в ходе которого Р.Т. Эрдоган называл иранского лидера «братом» (Unver 2012: 105).

Ещё одним фактором развития турецко-иранских связей стал подход Анкары и Тегерана к ближневосточной политике стран Запада. В эпоху холодной войны Турция и Иран нуждались в опоре на внешние силы как средства утверждения своего регионального влияния. В качестве примеров можно вспомнить ирано-американские отношения при шахском режиме или военно-политический союз Турции с США и НАТО. При ПСР усилилось стремление Анкары

к самостоятельной региональной роли, а также возросла настороженность по отношению к непредсказуемым последствиям западного вмешательства в дела Ближнего Востока. Иранскому руководству импонировала позиция Турции в отношении американской интервенции в Ирак в 2003 г. и отказ предоставить свою территорию для открытия второго фронта.

Сближению региональных подходов Анкары и Тегерана способствовало и охлаждение турецко-израильских отношений, которому предшествовало признание Турцией правительства партии «Хамас», победившей на палестинских выборах в 2006 г.

Вместе с тем отход турецкого руководства от прозападной линии на Ближнем Востоке таил в себе элементы прежнего соперничества за влияние. Ренессанс имперского мышления и обращение турецких политиков к неоосманизму неизбежно вели к обострению регионального противоборства между Анкарой и Тегераном. Для Турции выступления в защиту интересов палестинцев были не просто путём сближения со странами региона, но способом укрепления своих позиций в исламском мире, лидерство в котором стало целью руководства ПСР.

Конкурирующие подходы двух стран ярко проявили себя после начала «арабской весны», в которой Турция и Иран увидели уникальную возможность завоевать региональное лидерство и распространить на Ближнем Востоке собственную модель развития. Тегеран расценил протестные выступления как исламское пробуждение, носящее антизападный характер и продолжающее исламскую революцию в Иране (Akbarzadeh, Barry 2016: 5]. Турецкое руководство сфокусировало внимание на демократических ценностях, правах и свободах, которых требовали протестующие. В Анкаре полагали, что именно Турция может предложить странам Ближнего Востока свой опыт модернизации политической и экономической систем, внедрить «турецкую модель» соединения исламских традиций с демократическими ценностями, которых требовали протестующие (Свистунова 2015: 231). Таким образом, вновь актуализировались различия в восприятии двумя странами будущего региона и своей роли в нем.

Зона соприкосновения: иракское направление

Территория Ирака, с которым граничат обе страны, является традиционной зоной регионального соперничества между Анкарой и Тегераном. Турция издавна опирается на иракских суннитов, туркоманов (иракских туркмен), а также партию курдского клана Барзани – Демократическую партию Курдистана (ДПК). В свою очередь Иран делает ставку на шиитов и поддерживает тесные связи с курдскими силами клана Талабани, объединёнными в партию Патриотический союз Курдистана (ПСК).

Курдская проблема способствует смягчению регионального соперничества между Анкарой и Тегераном. Обе страны опасаются курдского сепаратизма, ко-

торый может послужить примером для курдов Ирана и Турции. В связи с этим в моменты острых событий «на курдском фронте» Анкара и Тегеран отодвигают на задний план свои противоречия и усиливают координацию действий на международной арене.

Турция и Иран с настороженностью восприняли американское вторжение в Ирак 2003 г., при этом общественное мнение в обеих странах выступало резко против военной операции США в регионе. Анкара и Тегеран разделяли общие опасения по вопросам дезинтеграции Ирака, роста курдского сепаратизма и утраты влияния на политические силы этой страны. На фоне угрозы хаотизации приграничного пространства традиционная турецко-иранская конкуренция на иракском поле отошла на второй план, уступив место приоритетам обеспечения безопасности.

В 2004 г. Иран подписал с Турцией соглашение о сотрудничестве, в котором Рабочая партия Курдистана (РПК) была признана террористической организацией. Вслед за этим Тегеран начал проводить военные операции против боевиков РПК на территории Ирана и Ирака, а также выдавать турецким властям функционеров этой организации. Таким образом, иранцы сняли одну из острейших проблем своих отношений с Турцией. Действия Тегерана во многом объяснялись ожиданиями турецкой поддержки по вопросу ядерного досье Ирана, которая и была предоставлена в последующие годы (Иванова 2017: 229-231).

В 2006 г. Анкара и Тегеран приложили совместные усилия для снижения остроты противостояния между иракскими суннитами и шиитами (Sinkaya 2012: 143). Несмотря на традиционную поддержку близких им с конфессиональной точки зрения групп, руководство обеих стран признало опасность религиозного конфликта, который легко мог выплеснуться за границы Ирака. Эта линия стала четкой установкой официальной ближневосточной политики Ирана и Турции, проявляя себя и в ходе сирийского кризиса. По мнению американского политолога М. Аюба, общий приоритет сохранения территориальной целостности Ирака служил ограничителем для конфессиональной политики обеих стран (Аюоб 2011: 116). В то же время покровительство, которое Анкара оказала опальному иракскому политику-сунниту Т. Хашими, вызвал недовольство в Тегеране (Aktaş 2018: 175).

С 2008 г. между Анкарой и Тегераном начался обмен разведанными о деятельности РПК и иранского ответвления этой организации Партии свободной жизни Курдистана (ПЕЖАК), а также координация антитеррористический операций в горах Кандиль. В 2009 г. совместные операции против РПК предприняли Турция, Иран и Ирак (Türk Dış Politikası 2013: 452). Очевидно, что позиция Тегерана объяснялась не только соображениями безопасности, но также настороженностью по поводу трансграничных операций на территории Ирака, которые турецкая армия возобновила в 2008 г.

Уже в 2011 г. турецко-иранские отношения пережили инцидент, свидетельствующий о том, что взаимное недоверие не удалось полностью искоренить.

Иранские власти не смогли арестовать находившегося на их территории лидера РПК М. Карайылана, несмотря на полученную от турецкой разведки информацию. В СМИ Турции распространились слухи о сделке между иранцами и курдами (Türk Dış Politikası 2013: 452), подкреплённые тем фактом, что вскоре ПЕЖАК объявила перемирие.

Что касается Ирана, то для него предметом озабоченности служило развитие тесных экономических связей между Турцией и Курдским автономным районом Ирака, в том числе в области углеводородов. Экономическое доминирование Анкары в иракском Курдистане нарушало турецко-иранский баланс сил в зоне регионального соперничества двух стран. Это подталкивало Иран к оказанию поддержки Багдаду в его трениях с Анкарой, как было в 2015 г. во время конфликта вокруг размещения турецких военных в лагере «Башика» на севере Ирака (Aktaş 2018: 176).

Взаимодействие Анкары и Тегерана на «иракском поле», колебавшееся между противодействием общим угрозам безопасности и борьбой за сферы влияния в северных районах Ирака, достигло пика в 2017 г. Тогда руководство двух стран солидарно отреагировало на референдум о независимости, проведенный курдами в сентябре 2017 г. Турция, Иран и Ирак сделали совместное заявление, призвав Эрбиль отказаться от референдума и пообещав принять ответные меры¹. Вслед за этим Турция и Иран активизировали контакты по линии генштабов. Скоординированное давление Анкары и Тегерана не позволило итогам референдума претвориться в жизнь. Это событие служит ярким примером стремления сторон, у которых отсутствуют общие цели в отношении иракского Курдистана, поддерживать региональный баланс в интересах предотвращения общих угроз.

Историческое соперничество: сирийский фронт

«Арабская весна» и конфликт в Сирии показали хрупкость турецко-иранских отношений и их особую чувствительность к вопросам регионального соперничества. Дамаск был верным союзником Тегерана, начиная с Исламской революции 1979 г., а в 1990-е гг. две страны находились в состоянии стратегического противостояния Турции, сблизившейся с Израилем. Исторические конфликты между Турцией и Сирией (вопрос о статусе провинции Хатай, проблема распределения вод реки Евфрат и др.) способствовали укреплению оси Дамаск – Тегеран, хотя Иран с осторожностью подходил к турецко-сирийским противоречиям. Так, в ходе обострения отношений из-за курдской проблемы в 1998 г., иранские власти воздержались от безоговорочной поддержки Сирии и предложили сторонам своё посредничество.

¹ Türkiye, İran ve Irak'tan ortak bildiri: Karşı önlemler Masada. 21 Eylül 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-41350839> (accessed: 04.08.2019)

Нормализация отношений между Турцией и Сирией в 2000-е гг. изменила расстановку сил в регионе. Тегеран положительно воспринял сближение Р.Т. Эрдогана и Б. Асада, тем более что Анкара выступила против попыток Запада изолировать Сирию после убийства ливанского премьера Р. Харири в 2005 г. О серьёзности намерений Анкары свидетельствует заявление министра иностранных дел Турции А. Давутоглу о том, что он посетил Сирию более 60 раз (Mohammed 2011: 91).

В Иране вызвал разочарование разрыв отношений между Анкарой и Дамаском, произошедший в сентябре 2011 г. по инициативе Турции, которая начала оказывать помощь сирийской оппозиции и требовать отставки союзника Тегерана президента Б. Асада. Иранское руководство обвинило Анкару во вмешательстве во внутренние дела Сирии и обслуживании интересов империалистических держав, стремящихся ослабить «фронт сопротивления» (Sinkaya 2012: 152). Обмен жёсткими высказываниями между официальными лицами двух стран довольно быстро был нивелирован заявлениями о готовности развивать всесторонние отношения, несмотря на различие подходов к решению некоторых региональных проблем (Хамдохов 2012: 50).

Американский эксперт Г. Дж. Баркей на раннем этапе кризиса в Сирии в 2012 г. написал о том, что поддержка Ираном и Турцией различных участников конфликта стала причиной повышенного внимания аналитиков к факторам соперничества между двумя странами. Однако конкуренция – далеко не новое явление в отношениях Анкары и Тегерана, которые имеют обширный опыт поиска компромиссов, поэтому значение противоречий по Сирии для турецко-иранских связей в целом не стоит преувеличивать (Barkey 2012: 139). Последующие события подтвердили справедливость этого мнения.

Несмотря на то, что Турция и Иран стали косвенными участниками конфликта в Сирии, оказывая поддержку противостоящим вооружённым группировкам, они сумели избежать кардинального охлаждения отношений. Более того, в 2013 г. стороны подписали соглашение о создании Совета сотрудничества высокого уровня, что придало отношениям стратегический характер, по крайней мере, формально (Joobani, Mousavipour 2015: 150). С 2014 г. по настоящее время заседания совета с участием кабинетов министров двух стран проходят ежегодно, позволяя подписывать многочисленные соглашения о сотрудничестве в различных областях и поддерживать прямой диалог на высоком уровне. Этого удалось достичь благодаря сознательному стремлению руководства двух стран сдерживать накал противоречий и искать точки совпадения интересов. Между тем сирийский кризис вызвал немало острых моментов в отношениях Ирана и Турции. В частности, в Тегеране начали открыто обвинять турецкое руководство в неоосманстве (Akbarzadeh, Barry 2016: 8).

Росту взаимопонимания между Анкарой и Тегераном способствовали турецко-американские разногласия в отношении сирийских курдов и недоверие

Турции к политике Вашингтона, который осуществляет военное сотрудничество с курдскими ополченцами (Afacan 2018: 6).

Подключение России к военному противостоянию в Сирии изменило баланс сил в регионе и привело к корректировке как турецкой, так и иранской политики. Возникновение Астанинского процесса (2017 г.) облегчило для Анкары и Тегерана задачу поиска точек соприкосновения по сирийской проблеме.

Вашингтонские исследователи М. Тахируглу и Б. Бен Талебу полагают, что турецко-иранские отношения в чистом виде не подпадают под определения дружбы или вражды, и предлагают использовать для их характеристики термин "*fremenies*", что можно перевести как «друзья-враги». Это гибкое многоплановое объединение, позволяющее его участникам избегать крайних точек и не допускать разрыва отношений (Tahiroğlu, Ben Taleblu 2015: 124). Без сомнения, турецко-иранские отношения на «сирийском поле» служат яркой иллюстрацией указанного определения. Взаимоисключающие подходы Анкары и Тегерана к режиму в Дамаске (Sarı 2018: 213) не стали препятствием для взаимодействия двух стран в рамках тройственного формата Россия – Турция – Иран, который предусматривает координацию усилий для решения международной проблемы.

Ядерная головоломка

Иранская ядерная проблема никогда не оставляла безучастной Турцию, которая неоднократно выступала с различными инициативами по её урегулированию. Несмотря на тесные связи с США, которые под предлогом атомных разработок Тегерана проводят антииранскую политику, Анкара воздерживалась от демонстрации жёсткой позиции по отношению к ядерной программе Ирана. Признавая право Тегерана на развитие мирной атомной энергетики, турецкое руководство выступает против экономического давления на иранский режим с тех пор, как ядерное досье Ирана появилось на повестке дня СБ ООН в 2006 г. Причиной этого служат опасения ущерба экономическим связям с Тегераном, которые резко активизировались в период правления ПСР.

Это, безусловно, не означает, что Анкару не беспокоит возможность превращения Ирана в ядерную державу, которое могло бы усилить региональные позиции Тегерана. Однако, с точки зрения безопасности, Турция чувствует себя защищённой ядерным зонтиком НАТО. В то же время конфликт по линии США – Иран позволяет турецкому руководству повышать уровень доверия с Тегераном за счёт такого многогранного инструмента как посредничество. С 2006 г. две страны начали обсуждать возможность осуществления части работ по обогащению иранского урана на территории Турции в контексте предложенной международной «шестеркой» посредников схемы по обогащению урана за пределами Ирана. В мае 2010 г. Турция, Иран и Бразилия подписали Совместную декларацию по обмену на территории Турции низкообогащенного иранского урана на высокообогащенный уран. Предполагалось, что, передав на хранение в

Турцию 1200 кг низкообогащенного (до 3,5%) урана, в течение года Иран получит 120 кг высокообогащенного (до 20%) топлива, необходимого для тегеранского исследовательского реактора². Трёхстороннее соглашение не получило практической реализации, поскольку не было поддержано международным сообществом. Тем не менее, оно внесло свой вклад в выстраивание взаимопонимания между Анкарой и Тегераном и накопление позитивного багажа, способствующего смягчению остроты противоречий по другим вопросам. Эффект был усилен тем фактом, что в июне того же года Турция, входившая в число непостоянных членов СБ ООН, проголосовала против резолюции №1929, уже-сточившей режим санкций в отношении Ирана.

В то же время международная дискуссия по ядерной проблеме Ирана использовалась Анкарой в качестве возможности для полемики со своими региональными оппонентами. В частности, после охлаждения отношений между Турцией и Израилем турецкое руководство стало публично критиковать страны Запада за «лицемерие», которое выражалось в отказе признавать за Ираном право на развитие мирного атома и в игнорировании наличия у Тель-Авива необъявленного ядерного оружия (MacGillivray 2019: 21-22). Что касается иранской стороны, то она неоднократно выражала признательность турецким властям за поддержку по ядерной тематике, а также за усилия по поиску политического решения и отмене санкций (Sinkaya 2016: 90).

Анкара приветствовала подписание в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), отметив, что всегда считала дипломатию безальтернативным путём решения иранской ядерной проблемы³. Турецкий политолог Б. Синкая называет реакцию Турции «осторожным оптимизмом», отмечая, что в турецких экспертных кругах возник в тот период ряд негативных сценариев изменения ближневосточного баланса в пользу Тегерана. Турки опасались, что ядерная сделка развяжет Ирану руки в региональных делах и позволит ему проводить более агрессивную наступательную политику в борьбе за влияние. Ещё одной угрозой турецким интересам виделось потепление ирано-американских отношений, в результате которого могло снизиться внимание обеих стран к Турции как к партнёру на Ближнем Востоке (Sinkaya 2016: 90-91). Тем не менее, очевидно, что для Турции были привлекательны такие проистекавшие из СВПД перспективы, как рост торгового оборота и инвестиционного сотрудничества с Ираном, снижение напряжённости с Вашингтоном по этому вопросу и устранение возможности для создания иранской ядерной бомбы.

² Joint Declaration of the Ministers of Foreign Affairs of Turkey, Iran and Brazil, 17 May 2010 / MFA of Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/17_05_2010-joint-declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-turkey_-iran-and-brazil_.en.mfa (accessed: 04.08.2019)

³ Press Release Regarding the Agreement on the Joint Comprehensive Plan of Action between the P5+1 and Iran Related to Iran's Nuclear Program. No 205, 14 July 2015 / MFA of Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-205_-14-july-2015_-press-release-regarding-the-agreement-on-the-joint-comprehensive-plan-of-action-between-the-p5_-1-and-iran-related-to-iran_s-nuclear-program.en.mfa (accessed: 04.08.2019)

В официальном заявлении Анкары после выхода США из СВПД этот договор был назван значительным шагом в сфере ядерного нераспространения. Подчеркнув, что дипломатия и переговоры являются единственным путём решения иранской ядерной проблемы, турецкие власти охарактеризовали отказ Вашингтона от договора как «достойный сожаления шаг». Отмечая подтвержденное международными наблюдателями выполнение Ираном условий сделки, Турция высказалась за сохранение и выполнение положений СВПД⁴. Турецкое руководство не поддерживает американские санкции в отношении Ирана, утверждая, что они наносят вред иранскому народу и подрывают региональную стабильность⁵.

Похожую позицию разделяет и экспертное сообщество Турции. «Выйдя из ядерной сделки и объявив о введении тяжелых экономических санкций против Ирана, Д. Трамп выбрал самый плохой из имевшихся у него вариантов», – написал в газете «Миллийет» известный турецкий политолог С. Кохен⁶.

Обрушение конструкции СВПД, создание которого было многолетним процессом с участием международного сообщества, лишает Анкару и Тегеран важного механизма моделирования своих региональных позиций. И. Макгилливрей отмечает, что обе страны использовали ядерную проблему для укрепления имиджа собственной исключительности на Ближнем Востоке (MacGillivray 2019: 10-15). Турция стремилась взять на себя роль медиатора в переговорах между Ираном и странами Запада. В свою очередь Тегеран позиционировал себя в качестве страны, которая противостоит совокупному Западу и в одиночку ведёт с ним спор. Таким образом, для Анкары и Тегерана имел значение сам переговорный процесс по себе, а его окончательный результат в виде СВПД стал для них символом внешнеполитического достижения, которое можно предъявить на региональном уровне.

Обострение ирано-американских отношений и новый виток санкций после выхода Вашингтона из СВПД грозят Турции экономическим и финансовым ущербом, а также ограничением возможностей для регионального сотрудничества с Ираном по вопросам, представляющим общий интерес. На первом месте среди них проблемы безопасности двух стран, включая курдский сепаратизм, и поддержание регионального баланса сил на сирийском и иракском поле.

Современные турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке строятся под влиянием ряда скрытых механизмов, которые формируют подходы сторон друг другу. Народам обеих стран присуще имперское сознание, глубокая историческая память о периодах регионального доминирования и соперничества.

⁴ Press Release No: 129, Regarding The Joint Comprehensive Plan of Action, 8 May 2018 / MFA of Turkey [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_129_kapsamli%C4%B1-ortak-eylem-planı-hk_en.en.mfa (accessed: 04.08.2019)

⁵ Çavuşoğlu M. 2019 Yılına Girerken Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sisteminde Girişimci ve İnsani Dış Politikamız.17 Aralık 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2019-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (accessed: 04.08.2019)

⁶ Kohen S. Trump'ın esas amacı ne? 11 Mayıs 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milliyet.com.tr/yazarlar/sami-kohen/trump-in-esas-amaci-ne-2666469> (accessed: 04.08.2019)

Это определяет неизбежность турецко-иранской конкуренции за влияние, настороженное отношение к усилению позиций другой стороны, особенно в прилегающей зоне (в районе Ирака и Сирии). В то же время, несмотря на смену режимов, внешнеполитическому мышлению правящих элит Ирана и Турции свойствен прагматизм, который объясняет стремление сторон к поддержанию регионального баланса сил и интересов.

Стратегия ПСР по расширению турецкого влияния в регионе учитывает фактор османского наследия, которое современная Анкара стремится популяризировать для подкрепления своих претензий на региональное лидерство. В конкурентный арсенал турецкого руководства входят исторические связи с народами региона и опыт европеизации мусульманского государства.

Иран продвигает своё видение мусульманской демократии, позиционирует себя в качестве стойкого борца с экспансионизмом Запада и, несмотря на снижение воинственной риторики, не отказывается от экспорта ценностей исламской революции. Анкара расходится с западными странами по частным вопросам или методам имплементации политики своих внерегиональных партнёров, но в целом разделяет те же стратегические подходы. Тегеран, напротив, отвергает идеологическое сближение с Западом и заимствования западных моделей развития, выступая за сохранение собственного пути. По сути дела, Иран и Турция предлагают странам Ближнего Востока альтернативные варианты политической трансформации.

Подходы сторон к региональному лидерству строятся на принципиально различных основаниях, что будет препятствовать формированию прочного турецко-иранского альянса, несмотря на способность Ирана и Турции к ситуативному союзничеству и их готовность находить компромиссные формулы по отдельным проблемам в целях поддержания более широкого регионального баланса интересов.

Об авторе:

Ирина Александровна Свистунова – к.и.н., старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. 117997, Россия, Москва, Профсоюзная 23. E-mail: svistunova.irina@gmail.com.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 4, 2019

Accepted: August 15, 2019

Turkish-Iranian Relations in the Middle East: in Search of the Regional Balance

I.A. Svistunova

DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-130--144

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: Turkey and Iran are two Middle Eastern neighbors building their relationship on the basis of competition and cooperation. Both countries aim at the position of regional leader and want to offer their own «model» of development to the Middle East. Historical neighborhood has provided Turkey and Iran not only with the experience of struggle for influence, but an ability to interact in the spheres of overlapping interests as well. Turmoil in the Middle East attracts the attention of researchers to the issue of Turkish-Iranian relations. The article deals with the key areas of regional relations of the two countries reflecting their efforts to keep the power balance though they have contradicting interest. Islamic revolution in Iran in 1979 has put Turkish and Iranian «models» in adversary positions to one another emphasizing religion vs secularism.

The Turkish side has broadened the range of its instruments after Justice and Development Party coming to power in Ankara, although its aim remains to be the promotion of Western concepts in the Middle East. The Party's strategy to expand Turkish influence in the region takes into account the Ottoman heritage, which modern Ankara seeks to popularize in order to reinforce its claims to regional leadership. The competitive arsenal of the Turkish leadership includes historical ties with the peoples of the region and the experience of the Europeanization of the Muslim state.

Iran is promoting its vision of Muslim democracy, positioning itself as a staunch fighter against the expansionism of the West and, despite the decline in warlike rhetoric, does not refuse to export the values of the Islamic revolution. Ankara is at odds with Western countries on private issues or methods, but generally it shares the same strategic approaches. Tehran, on the contrary, rejects the ideological rapprochement with the West and the borrowing of Western development models, advocating maintaining its own path. In fact, Iran and Turkey offer Middle Eastern countries alternative political transformation options.

Iraq and Syria represent both the sphere of Turkish-Iranian competition and the possibility for tactical alignment on the basis of converging interests. The events of recent years have demonstrated that at the times when the Turkey and Iran sense common threats, they put their contradictions on the back burner. Pragmatism and rivalry in Turkish-Iranian relations are not alternatives but exist in parallel as a way of maintaining a regional balance of power between the two countries. This explains the ability of Ankara and Tehran to seek compromises. At the same time, the various approaches of these states to the future structure of the Middle East region will continue to hinder the creation of a stable alliance between them. These realities must be taken into account when assessing the prospects for the development of the regional situation and the potential of Turkish-Iranian relations, the study of which is especially important for Russia, taking into account trilateral cooperation to resolve the crisis in Syria.

Key words: Turkey, Iran, Middle East, Turkey-Iran relations, Turkish foreign policy, international relations, crisis in Syria

About the author:

Irina A. Svistunova – Candidate of History, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, Russia, 117997. E-mail: svistunova.irina@gmail.com.

The conflict of interest:

The author declares absence of conflict of interest.

References:

- Afacan S. 2018. Türkiye – İran İlişkilerini Yeniden Düşünmek. *İlke Politika Notu*. No. 2. P. 1-11. (In Turkish)
- Akbarzadeh Sh., Barry J. 2016. Iran and Turkey: Not quite Enemies but Less Friends. *Third World Quarterly*, October 2016. P. 1-16. DOI: 10.1080/01436597.2016.1241139
- Aktaş K. 2018. Suriye ve Irak Örnekleri Üzerinden Türkiye–İran İlişkileri: İş Birliği mi Rekabet mi? – *Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi*. June. No. 1. P. 163-184. DOI: 10.26513/tocd.427808 (In Turkish)
- Ayoob M. 2011. Beyond the Democratic Wave: A Turko–Persian Future? *Middle East Policy*. P. 110-119. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2011.00489.x
- Barkey H.J. 2012. Turkish–Iranian Competition after the Arab Spring. *Survival*. No. 6. P. 139-162. DOI: 10.1080/00396338.2012.749639
- Baş Ş. 2013. Pragmatism and Rivalry: The Nature of Turkey–Iran Relations. *Turkish Policy Quarterly*. No. 3. P. 113-124.
- Demiryol T. 2013. The Limits to Cooperation between Rivals: Turkish–Iranian Relations since 2002. *Ortadoğu Etütleri*. No. 2. P. 111-144.
- Joobani H.A., Mousavipour M. 2015. Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? *Strategic Analysis*. No. 2. P. 141-155. DOI: 10.1080/09700161.2014.1000658
- MacGillivray I.W. 2019. Complexity and Cooperation in the Times of Conflict: Turkish–Iranian Relations and the Nuclear Issue. *British Journal of Middle Eastern Studies*. P. 1-25. DOI: 10.1080/13530194.2019.1596783
- Mohammed I. 2011. Turkey and Iran Rivalry on Syria. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. No. 2&3. P. 87-99.
- Ozcan N.A., Ozdamar O. 2010. Uneasy Neighbors: Turkish–Iranian Relations Since the 1979 Islamic Revolution. *Middle East Policy*. No. 3. P. 101-117. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2010.00454.x
- Sarı B. 2018. The Strategic Interaction between Turkey and Iran in the Syrian Crisis: A Game Theoretical Analysis for the Time Frame from 2011 to 2015. *Bilig – Turk Dunyası Sosyal Bilimler Dergisi*. No. 87. P. 203-227.
- Sinkaya B. 2012. Rationalization of Turkey–Iran Relations: Prospects and Limits. *Insight Turkey*. No. 2. P. 137-156.
- Sinkaya B. 2016. Iran and Turkey Relations after the Nuclear Deal: A Case for Compartmentalization. *Ortadoğu Etütleri*. No. 1. P. 80-100.
- Tahiroğlu M., Ben Taleblu B. 2015. Turkey and Iran: The Best of Frenemies. *Turkish Policy Quarterly*. No. 1. P. 123-134.
- Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Cilt II*. 1980-2001. 2012. Ed. Baskın Oran. İstanbul: İletişim Yayınları. 637 p.
- Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Cilt III*. 2001-2012. 2013. Ed. Baskın Oran. İstanbul: İletişim Yayınları. 885 p.
- Unver H.A. 2012. How Turkey's Islamists Fell out of Love With Iran. *Middle East Policy*. No. 4. P. 103-109. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00563.x
- Unver H.A. 2016. Turkish–Iranian Energy Cooperation and Conflict: The Regional Politics. *Middle East Policy*. No. 2. P. 132-145. DOI: 10.1111/mepo.12200

Hamdohov S.A. 2012. Turtsiya – Iran: nachalo holodnoy voyni ili vremennoye poholodaniye v otnosheniyah? [Turkey – Iran: The Beginning of New Cold War or Temporary Cooling in Relations?]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 2. P. 49-51. (In Russian)

Ivanova I.I. 2017. *Evolutsiya bližnevostochnoy politiki Turetskoy Respubliki (1923-2016)* [Evolution of the Middle East Policy of Republic of Turkey (1923-2016)]. Moscow: Aspect-Press. 424 p. (In Russian)

Svistunova I.A. 2015. Turetsko-iranskiye otnosheniya: dvustoronneye sotrudnichestvo i regionalnaya konkurensiya [Turkish-Iranian Relations: Bilateral Cooperation and Regional Competition]. *Turtsiya na puti k regionalnomu liderstvu*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. P. 226-235. (In Russian)

На русском языке:

Иванова И.И. 2017. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923 – 2016). Москва: Аспект-Пресс. 424 с.

Свистунова И.А. 2015. Турецко-иранские отношения: двустороннее сотрудничество и региональная конкуренция. *Турция на пути к региональному лидерству*. Москва: Институт востоковедения РАН.

Хамдохов С.А. 2012. Турция – Иран: начало холодной войны или временное похолодание в отношениях? *Азия и Африка сегодня*. № 2. С. 49-51.